

УДК 338.2:911.3

ТУРИСТСКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ

© 2022 г. Ю. Н. Голубчиков*

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, Россия
*e-mail: golubchikov@list.ru

Поступила в редакцию 02.10.2021 г.

После доработки 01.02.2022 г.

Принята к публикации 22.04.2022 г.

Результаты борьбы с коронавирусом рассматриваются как индикаторы жизнеспособности государств. В статье, по данным о числе заболевших и умерших на 1 млн человек по странам мира, прослежены межнациональные различия в успехах борьбы с коронавирусом. Показано, что пандемия обостряет межнациональные и междивизиационные различия и усугубляет значение географического фактора в жизни общества. Исследуется влияние пандемии на туризм. Обеспечив примаг национальных и социальных интересов над глобальными и экономическими, борьба с пандемией выдвинула приоритет нематериальных благ. Рассмотрено значение ускоренного развития цифровой экономики в активизации сельского туризма и дачной деурбанизации как рекреационной реакции населения на пандемию. Подчеркивается их значение в создании предпосылок для восстановления заброшенных сел и деревень. Коронавирусная пандемия усиливает значение уединенных ландшафтотерапевтических прогулок, краеведения, сельского туризма. Обосновывается профилактическое значение ландшафтотерапии. Целительной ее силой можно пользоваться чуть ли не все время и почти повсеместно, и на месте стационарного пребывания, и в среде путешествия. Следование природе и есть здоровье, а законы природы — это законы красоты. Целебны все места, воспринимаемые как красивые; красота ландшафта — важнейший природный и оздоровительный ресурс. Доверяя своим ощущениям, опыту и интуиции, каждый может установить для себя целительную силу тех или иных ландшафтов. Ландшафтотерапия интегрирует географию, медицину и науку о человеке. Пандемия способствует переориентации географии и экологии с решения задач преобразования природы и ее охраны к преобразению человека и его спасению.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, дачная субурбанизация, сельский туризм, рекреация, ландшафтотерапия, красота, страноведение, краеведение, возрождение села

DOI: 10.31857/S2587556622040057

СТРАНОВЕДЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПАНДЕМИИ

Пандемия предоставила уникальную возможность по-новому взглянуть на страны мира. Межнациональные различия, связанные с коронавирусом, уже обрели свою форму¹. При этом с момента вспышки коронавируса в Китае сценарии развития событий были схожими во всех странах. Одинаково ко всем людям независимо от их национальности и вероисповедования относился и коронавирус. Соответственно, демографические последствия пандемии, масштабы их проявления в контексте принятых национальных стратегий борьбы с ковидом можно рассматривать как важнейшие индикаторы жизнеспособности государств.

¹ Worldometer. COVID-19 Coronavirus pandemic, updated: August 20, 2021. <https://www.worldometers.info/coronavirus> (дата обращения 20.08.2021).

Отметим, что не выдержали тест на коронавирус считавшиеся лучшими управленческие системы США и большинства европейских стран. В Европе по числу смертей от коронавируса лидируют Венгрия (3.2 на 1 млн), Босния и Герцеговина (3.0), Чехия (2.8), Северная Македония (2.7), Болгария (2.7), Черногория (2.6), Сан-Марино (2.6), Словакия (2.3), Бельгия (2.2), Словения (2.1), Италия (2.1), Хорватия (2.0), Польша (1.9), Великобритания (1.9), Румыния (1.8). Самой неблагоприятной ситуацией с коронавирусом отличаются страны Латинской Америки. В Перу число смертей на 1 млн жителей достигло рекордной величины в 5.9, в Бразилии — 2.7.

Швеция довольно долго проводила мягкую стратегию без введения мер изоляции и карантина. Ныне по числу зараженных на 1 млн человек (110) и по числу смертей (1.2) она заметно не отличается от других европейских стран: Нидерландов (число зараженных 111 на 1 млн, умерших 1 на 1 млн), Испании (101 и 1.8 соответственно),

Франции (100 и 1.7), Чехии (156 и 2.8). Беларусь вообще не вводила противокоронавирусных ограничений. Число заболевших там (49 на 1 млн жителей) не намного выше, чем в России (46 на 1 млн).

Прослеживаются достижения в борьбе с пандемией в исламских странах, где гигиена традиционно поставлена на должном уровне. Наиболее низкую смертность от коронавируса из бывших советских республик продемонстрировали Таджикистан (13 умерших на 1 млн чел.), Узбекистан (30 на 1 млн), Киргизстан (372 на 1 млн) и Беларусь (386 на 1 млн). Пожалуй, наилучшими системами здравоохранения следует признать таковые в Киргизии и Беларуси, поскольку число заболевших в Таджикистане (1.6 на 1 млн жителей) и Узбекистане (4.3 на 1 млн) было невелико.

Россия по абсолютному количеству зараженных находится на 4-м месте (6.7 млн чел.), уступая лишь США (38.2 млн), Индии (32.4 млн) и Бразилии (20.5 млн). Однако по числу зараженных на 1 млн жителей (46), страна оказалась на 90-м месте среди 222 стран, по которым ведется мониторинг. По числу умерших от коронавируса на 1 млн чел. Россия находится на 48-м месте. Хуже на постсоветском пространстве обстоят дела со смертностью от коронавируса в Украине (1.3 на 1 млн), Латвии (1.4 на 1 млн), в Молдове (1.6 на 1 млн) и Армении (1.6 на 1 млн).

В считающейся неблагополучной по коронавирусу Индии число зараженных на 1 млн (23) и умерших на 1 млн жителей (311) свидетельствует о высоком уровне медицины. Это же характерно и для восточноазиатских буддистских стран: Лаоса (число умерших 1 на 1 млн жителей), Бутана (4 на 1 млн), Сингапура (4 на 1 млн), Гонконга (28 на 1 млн), Южной Кореи (4 на 1 млн), Тайваня (35 на 1 млн). Люди там очень исполнительны и законопослушны, доверяют правительству и делают замечание тем, кто не выполняет его предписаний, привержены к чистоте и, в целом, более ответственно относятся к своему здоровью.

Впечатляющих успехов в борьбе с пандемией достиг Китай. Смертность от ковида в этой стране составила 3 чел. на 1 млн жителей. Китайцы отличаются высокой дисциплинированностью: им было сказано, как себя вести, и за редким исключением, никто не смел ослушаться. Крайне низкой была смертность в Китае и от эпидемии испанки 1918 г., когда в Китае выздоровело 97% заболевших. Большую роль тут сыграла, по мнению J. Weitpaueg (2019), давняя традиция высокого доверия населения к своей медицине, которая давала людям совершенно определенные и четкие рекомендации.

В целом, вопреки мнению аналитиков, предрекавших будущее человечества за наднациональными структурами, евроинтеграцией и Евросоюзом, в центр развития в связи с пандемией неожиданно

данно выдвинулись географическое разнообразие и национальная специфика. Президент Русского географического общества С.Б. Лавров еще задолго до пандемии (в 1995 г.) предвидел глобальный всплеск географической и этнической самоидентификации не только в постсоциалистических странах. Отмечавшиеся им процессы еще более актуализировались в условиях пандемии COVID-19.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕКРЕАЦИИ И ТУРИЗМА ПОД ВЛИЯНИЕМ ПАНДЕМИИ

Еще недавно прогнозировался переход общества к глобальному туризму с путешествиями как универсальной и доминирующей чертой людей. Казалось, наступают времена беспрецедентной мобильности. Все политические, экономические и языковые барьеры представлялись преодолимыми благодаря технологиям и знаниям. Ожидалось, что универсальность путешествий станет стилем жизни нового человека (Zotic et al., 2014).

Еще не утихли опасения по поводу “овертуризма”, как туристов вообще не стало. Туризм оказался главным фактором глобального распространения инфекции и от нее же в наибольшей степени и пострадал. Ни одна из отраслей экономики не упала так быстро, как туристская. Получили распространение суждения о конце туризма. На деле происходит скорее его перезагрузка. Завтра туризм может возродиться, тому есть несколько предпосылок.

Во-первых, пандемия интенсифицировала все тренды постмодерна. Среди них И.В. Зорин и С.Г. Лаковский (2018) выделяют снижение роли труда в жизни населения. Может быть, впервые в истории труд перестал быть жизненно необходимым в массовых масштабах. Невиданно возросло главное богатство человека — свободное время.

Во-вторых, здоровье в связи с пандемией стало важнейшим приоритетом людей.

В-третьих, благодаря карантину и самоизоляции люди научились работать вне замкнутых микроколлективов. В то же время развитие технологий дистанционного обучения отвязало образование от конкретного места. Потенциально люди стали гораздо подвижнее.

Сделав очевидным примат национальных и социальных интересов над глобальными и экономическими, вызов пандемии выдвинул приоритет нематериальных благ (безопасность, здоровье, чистота, тишина, зелень, красота, совмещение места жительства и места работы). Начался пересмотр техник прогресса и его целей.

В истории человечества именно блокады и ограничения, а не технократическая вседозволенность, в конечном итоге и порождают прогресс. “Ограничение рождает изобретение. Континентальная блокада заставила наполеоновскую

Францию открыть сахарную свеклу; ограничения между двумя мировыми войнами привели Германию к открытию множества синтетических продуктов” (Сен-Марк, 1977, с. 237). Не стала исключением и пандемия COVID-19. С появлением коронавируса и внедрением ограничительных мер коммуникационного и социального взаимодействия открылись локальные возможности и решения. Существенно возросла скорость цифровизации экономики. Во многих семьях покупки продуктов, одежды и развлечений через Интернет навсегда заменят посещение магазинов.

Интернет и сотовый телефон предоставили людям столь высокую степень личной свободы, мобильности и автономности, что отныне человек может работать, пребывая в путешествии, и путешествовать, не отрываясь от работы. Если еще недавно основу туристского рынка составляли оплачиваемые отпуска рабочих и служащих, то теперь для многих людей “все” может стать туризмом. В то же время благодаря онлайн-платформам появились новые доступные для проживания места. Туризм перестал быть атрибутом свободного времени и вступил в повседневную жизнь.

С пандемией коронавируса начался спад туризма в городах. Пандемия показала, что проживание в многоэтажном доме в районах с высокой плотной застройкой стало не просто неудобным, но и рискованным. Появились предложения расселения жителей мегаполисов по средним и малым городам с полицентрическим развитием урбанизированных территорий (Кочуров, Ивашкина, 2020).

А.И. Зырянов в связи с пандемией добавляет к плотности населения новый географический показатель скученности населения (Зырянов и др., 2020). Плотность проживания населения может быть не очень большой, но люди при этом могут проживать в очень скученном состоянии, например, в коммуналках, хрущевских многоэтажках, в армейских казармах или временно пребывать в нем где-нибудь в загородном переполненном автобусе.

Высокая плотность и скученность населения – главные факторы любых заражений. Одним из наиболее опасных видов загрязнений – отмечал А.Л. Чижевский (1964, 1989) – является воздух, выдыхаемый людьми. Люди вокруг нас бывают большими и не обязательно инфекционно. Их выдохи содержат опасные для окружающих мельчайшие частицы их организмов. Можно ожидать, что северные мегаполисы более подвержены им, поскольку здесь человек больше времени проводит в замкнутых пространствах офисов, метро, транспорта, жилища.

Создается странная ситуация. Пребывая год в переполненном офисе, человек северного мега-

лополиса устремляется отдохнуть на не менее переполненное курортное побережье или же в столь многолюдные туристические центры. Между тем доказано, что вирусы обладают способностью выживать в течение длительного времени на песчаных пляжах, где выше увлажнение и снижается дезинфицирующее воздействие ультрафиолета. Особенно активизируются вирусы во время ливневых стоков, смывающих на пляжи всякий мусор (Zielinski and Botero, 2020).

К счастью, обширные пространства обеспечивают нашим жителям высокие стандарты если не уровня, то качества жизни. Ни один гражданин ни в одной другой стране не наделен такими просторами, как житель России. В начале XIX в. на нашей планете проживало меньше 1 млрд людей. На каждого из них приходилось 7.9 га земельных угодий. В 2005 г. их площадь “сжалась” до 2 га (Клюев и др., 2010, с. 21). А на каждого человека в России приходится сегодня по 8 га земли, как в начале XIX в. на всех жителей Земли.

Ни у кого в мире нет столь обширных подворий и привольий, нигде не найти таких поместий. Это наше национальное достояние. “Мало кто знает, что в России уже построены тысячи домов европейского качества, 300 квадратных метров по цене не выше 65 тыс. долларов за дом. Но они строятся без помощи власти, наоборот, через сопротивление... вышеозначенные достижения постоянно замалчиваются и тормозятся людьми индустриальной и потребительской эпохи” (Матвейчев, 2012, с. 126).

По подсчетам А.И. Трейвиша (2014) у россиян загородных владений только в садово-дачных товариществах насчитывается 17–20 млн домов, то есть 120–140 строений на 1000 жителей. А еще многие горожане имеют просто домик в деревне, вне садово-дачных товариществ. Есть также немало жителей сельской местности, владеющих далеко за пределами своего подворья отдельной дачей. Ни в какие категории дачников они при этом не попадают и зачастую работают в городе, как например, автор данного текста. С ними со всеми наберется не менее 150–200 строений на 1000 жителей.

В других европейских языках нет слов, с помощью которых можно точно передать смысл понятия “дача”. Оно заимствуется из русского языка; в английском языке используется понятие *second home* – второй дом. Распространенность вторых загородных домов в странах Европы оценивается в 70–90 строений на 1000 человек (Nikolaeva and Rusanov, 2020). В США на каждые 1000 жителей вне основного места проживания приходится только 13 загородных строений (Трейвиш, 2014). Характерно, что на землях вторых домов в Европе и Америке запрещено выращивание сельскохо-

зайственной продукции, можно только цветы и сады разводить.

Только на постсоветском пространстве отдых городских людей традиционно связан с выращиванием сельскохозяйственной продукции в своих загородных владениях. И происходит такое не от бедности, а в форме отдыха и престижного потребления (Трейвиш, 2014). На этом поприще формируется “народная наука”, идет становление “народного искусства”, оформился “народный спорт”. Стремление к изоляции во избежание коронавирусной инфекции еще более усиливает внимание населения к производству собственных продуктов питания.

Благодаря дачам, Россия, по всей видимости, лидирует в глобальном процессе субурбанизации. Горожане уже возобладали в сельском ландшафте Подмосковья. В Московской области число садово-дачных поселков (11,7 тыс.) почти в 2 раза превысило число сельских населенных пунктов (Браде и др., 2013; Махрова, 2014). По состоянию на начало XXI в., примерно половина земель принадлежала одному млн московских семей (или около 2,5 млн человек) (Ioffe and Nefedova, 2001). Еще не менее половины среди подмосковных землевладельцев составляли жители городов Подмосковья и других регионов страны.

Благодаря высокой концентрации дачники пользуются явно выраженным превосходством над разобщенными местными жителями. Вместе с тем дачники существенно поддерживают местное население. Они нуждаются в рабочей силе для ремонта и обустройства домов, ухода за участками, покупают у населения грибы, ягоды, рыбу, молоко. Все это стимулирует новые виды занятости в деревнях и стабилизирует численность населения в сельской местности (Нефедова, Медведев, 2020). Без дач Московская область была бы такой же лесной пустыней, как соседние с ней области. Дачно-рекреационный комплекс в программах развития села уже давно выступает драйвером “комплексного развития сельских территорий”.

В последние 20 лет зарубежные ученые и политики стали уделять все больше внимания идее многофункциональности сельского хозяйства. Дачное природопользование на постсоветском пространстве служит уже готовой моделью такой многофункциональности. Дачи тут используются от оздоровления до выращивания сельскохозяйственной продукции (Трейвиш, 2014). С распространением коронавирусной инфекции к прежним функциям добавилась санитарно-эпидемиологическая. Дачные дома все больше становятся круглогодично жилыми.

Дачное природопользование стало рекреационной реакцией населения на пандемию. Это новый драйвер сельского развития. Его интенсифи-

кация и пространственное расширение создает предпосылки для восстановления брошенных сел и деревень. Одновременно можно ожидать возрождения выведенных из постоянного использования рыбных и охотничьих угодий. Немаловажное значение имеет расширение поголовья рабочих лошадей, поначалу для рекреационных целей, а в перспективе как замена части сектора двигателей внутреннего сгорания

Геополитическое значение последствий пандемии как раз и заключено в возможности восстановления заброшенных сел и деревень. Современное сельское население его регионов составляет 1/3 от количества 1959 г. В отдельных регионах (Кировская, Псковская области) население за указанный период сократилось в 4–5 раз (Аверкиева, 2013). В 3–5 раз сократилось сельское население Нечерноземья. С географической карты исчезли 26,8 тыс. населенных пунктов (Смирнова, Ткаченко, 2019). Очевидно, что каждый год к этому числу добавляется еще одна–другая тысяча селений. Депопуляция сельских территорий в России приобрела угрожающие размеры и привела к формированию в сердце России, по словам А.Н. Гуни и А.Б. Ефимова, «новой “Сибири”, где заброшены села, опустели поля, зарастающие лесом, одиноко стоят выжившие в советское время остовы церквей» (2018, с. 20). Как замечает Б.Б. Родоман (2017), упадочные, депрессивные местности, парадоксально расположены не столько на географических окраинах России, сколько повсеместно внутри нее, в так называемой российской глубинке. Повсеместность этой “глубинки” вселяет надежды на новое возрождение сельской местности в условиях постпандемии и ожидаемого развития сельского туризма.

Статистически российские туристы предпочитают отдых на зарубежных курортах, а доля сельского туризма в России оценивается лишь в 2% (Охотина, 2018). Но если в сельский туризм включить посещение дач, то окажется, что этот вид туризма самый массовый. Большинство россиян именно на дачах предпочитает проводить свои отпуска и выходные. Тогда этот вид туризма окажется самым массовым. Он охватывает все слои населения, хотя и носит неорганизованный, стихийный характер. На этом поприще отдых сливается с удовольствием самоснабжением. С вирусобоей уединенный сельский туризм в еще большей степени перевешивает международный. Его низкая плотность снижает опасность заражения во время поездки.

Преобладающая часть населения России всегда вовлечена в сельский туризм, хотя бы для самотоговок недревесной продукции леса. Если экотуризм позволяет уносить с собой из природы только фотографии, то сельский туризм может также сопровождаться заготовками грибов, ягод,

орехов, лечебных растений, а где-то охотой и рыбалкой.

Похожая ситуация и за рубежом. В Великобритании число путешествующих в выходные дни, каникулы и отпуска (*holiday tourism sector*) в три раза превосходит число выезжающих за пределы страны (Willams, 2009). Но там путешествующие предпочитают останавливаться в повсеместно распространенных гостиницах и сдающихся для туристов домах.

В России государство не проявляет особого интереса к поддержке сельского туризма. Он развивается стихийно. Между тем, сохранение села и загородного пейзажа все в большей степени рассматривается как дело сохранения нации и, соответственно, национальной безопасности и национальной целостности. Возродить периферию сегодня во многих случаях могут рекреация и туризм. Правильно организованный сельский туризм помогает сохранить сельское наследие, когда фермер, занимаясь туризмом, не отрывается от ведения сельского хозяйства. Многие из ферм Европы не были бы жизнеспособны без туристической составляющей. С другой стороны, они не были бы жизнеспособными в качестве туристических объектов без продолжения занятия сельским хозяйством (Баденков, 2017).

ИСЦЕЛЕНИЕ ЛАНДШАФТОМ

В отечественной литературе термин “ландшафтотерапия” первым, по-видимому, употребил Д.Л. Арманд (1966, с. 7), хотя основоположником направления следует считать А.И. Воейкова (1957). В англоязычной литературе в 1990-е годы появился термин “терапевтический ландшафт” (Gesler and Wilber, 1992). Он определяется как метафора процессов исцеления, происходящих в определенных местах (или ситуациях, условиях, обстановках, средах) (Milligan and Wiles, 2010, p. 743).

Исцеление не синоним лечения. Целью ландшафтотерапии, как туризма в целом, можно считать повышение качества жизни, даже если идет оно наперекор болезням и недугам. Ландшафтотерапия не обязательно связана с перемещением за пределы постоянного места проживания, как в случае с туризмом. Возможно, каждому нужна своя ландшафтотерапия. “Собственные наблюдения человека за тем, что ему хорошо, а что вредно, есть самая лучшая медицина для сохранения здоровья”, — писал Фрэнсис Бэкон (1978, с. 422). Когда человек излечивает самого себя, то это творчество по своему совершенству и единству. Аристотель уподоблял созданию гениальных произведений искусства и творчеству природы (Лосев, 1975).

Следование природе и есть здоровье, а законы природы — это законы красоты. Остается предпо-

ложить, что целебны все места, воспринимаемые как прекрасные. Природа “проявляет себя в своих прекрасных продуктах как искусство не только случайно, но как бы преднамеренно” для нас, “поскольку мы нигде вне нас эту цель не обнаруживаем”, замечал И. Кант (1994, с. 174).

Ландшафтотерапия привносит в географию не только цвета, но и звуки, и запахи ландшафта (Grindle and Patil, 2009; Milligan and Wiles, 2010). В.П. Семенов-Тянь-Шанский (1928) сожалел, что из географии выпали цвета, звуки и запахи ландшафта. «Так, изучению биопродуктивности ландшафтов (скорость и объемы прироста биомассы) посвящены сотни томов, а “географии запахов” — несколько сугубо маргинальных замечаний, и то лишь в художественной литературе и очерках путешествий» — пишет В.Л. Каганский (2009).

Сферы всех муз звучат в ландшафте. Все наши чувства участвуют в их восприятии. Тем самым, ландшафтотерапия возвращает в ландшафтоведение человека с его опытом и эмоциональной наполненностью.

Каждый ландшафт снабжает нас величайшим разнообразием паттернов (знаков, узоров, стилей) природы. Их созерцание успокаивает, наводит на размышления, ведет к медитации, исцеляет². Скорее всего, как и пища, ландшафтотерапия должна быть как можно более разнообразной. Прогулки с прекрасными видами и ландшафтотерапия способствуют развитию сельских районов, обеспечивая круглогодичный туризм. Значит, они становятся важны с экономической точки зрения. По сравнению с другими видами туризма ландшафтотерапевтические прогулки оказывают наименьшее негативное экологическое воздействие.

В условиях пандемии самое время осознать исцеляющее значение красивых ландшафтов. “Прекрасный ландшафт есть дело государственной важности. Он должен охраняться законом” утверждал К.Г. Паустовский (1970, с. 295). Ему вторил Д.С. Лихачёв: “Выдающиеся пейзажи должны быть учтены и сохраняемы как памятники культуры” (1991, с. 429).

Доверяя своим ощущениям, опыту и интуиции, каждый может установить для себя целебную силу тех или иных ландшафтов. Критерием выбора “своего” ландшафта на первых порах вполне может быть то, что нравится, то место, где возникает ощущение отдохновения. При этом в зависимости от состояния организма и сезонно-метеорологических условий, пристрастия к определенным местам могут меняться. Для одних рас-

² Holmgren D. Permaculture. Principles and Pathways Beyond Sustainability / D. Holmgren (Ed.). Hampshire: Permanent Publications, 2002. <http://library.uniteddiversity.coop/Permaculture/Permaculture-Principles and Pathways Beyond Sustainability.pdf>.

светы захватывающее зрелище, другие их не замечают.

Наиболее взыскательные и искушенные путешественники в целях своего оздоровления сами пытаются понять, что предлагает им то или иное место, чем отличается оно от других, как там практикуются местные методы исцеления, сохраняются ли древние и духовные традиции, какие существуют целительные растения и леса, лечебные грязи, минералы и воды, народная архитектура, местная пища и кулинарные традиции (Заварика, Федоренко, 2020).

Как следствие пандемии все больше оздоровительных курортов в России делают акцент на коронавирусе и вводят в свои услуги программы, направленные на профилактику заболеваний дыхательных путей. Но чтобы активизировать деятельность кислорода в нашем организме, надо учиться не столько правильно дышать, чему посвящены сотни руководств, сколько, где надо дышать. Как утверждал А.Л. Чижевский, отрицательно ионизированный кислород — самое замечательное и бесплатное лекарство.

Очень насыщен отрицательными ионами кислорода воздух после грозы, когда он напоен тысячами ароматов цветов, листьев, травы. Все растения и, особенно хвойные, служат важным источником отрицательных ионов кислорода (Чижевский, 1964, 1989). Отрицательные ионы кислорода активно образуются при механическом дроблении воды в результате аэрозолизации капель воды на препятствии или при аэродинамическом разрушении во время свободного падения. Поэтому очень ионизирован воздух во время морского прибоя или сильного дождя, у быстрых горных речек и высоких водопадов. Взаимодействуя с фитонцидами, выделяемыми деревьями, отрицательные ионы воздуха эффективно укрепляют врожденную иммунную систему (Grafetstätter et al., 2017).

Живший в XVI в. швейцарский врач Филипп фон Гогенгейм Парацельс утверждал, что растения очищают атмосферу, принимая в себя все выдыхаемое животными и людьми. Таким же образом перенимают они болезни от людей и животных. Все вредные растения вбирают в себя, преобразуя в целительный кислород. Мысли Парацельса стали находить подтверждение с открытием фитонцидов и терпенов.

Возникает вопрос: насколько географ имеет право в определенной степени быть врачом и рекомендовать людям те или иные ландшафты для подъема жизненных сил? А почему бы и нет? О лечебных свойствах многих растений современные медики почти ничего не знают, но с ними знакома старинная народная медицина. Логично предположить, что подобного рода содружество возможно и между медициной и географией. Связует их, прежде всего, ландшафтотерапия. Она

играет важную роль в интеграции широкого круга географических, сервисных и образовательных отраслей.

Ландшафтотерапия должна быть ориентирована на естественные немедикаментозные методы лечения, главным из которых является исцеление оздоровительными воздействиями ландшафтов и их паттернов. Но то, что хорошо для здоровья человека, то хорошо и для природы. Поэтому эта деятельность послужит сохранению природы в не меньшей степени, чем многозатратные экологические акции в ее защиту.

Будучи тесно связанной с естественнонаучными компонентами науки о человеке, ландшафтотерапия связывает между собой медицину, психотерапию и ландшафтоведение. Если туристическую географию рассматривать как широкое поле междисциплинарных исследований и практик, то ландшафтотерапия образует как бы ядро этой междисциплинарности. Однако в области взаимного пересечения многие дисциплины, как правило, оказываются на периферии каждой из них. Отсюда неудивительно, что на тему ландшафтотерапии неизвестно ни книг, ни учебных пособий ни в нашей стране, ни за рубежом. Опубликованы небольшие статьи, но не прослеживается монографического обзора проблемы. Есть много публикаций о лечебных свойствах лесов и растений, морей, климата, рек, но не об их естественных сочетаниях. При обилии книг о лечебных свойствах отдельных растений нет книг о лечении фитоценозом. Разработка методики применения этого исконно присущего организму средства исцеления еще впереди. Если бы на развитие ландшафтотерапии была выделена хотя бы незначительная часть тех средств, которые направлены на разработку химико-медикаментозных методов лечения, то, наверное, она бы стала эффективным средством оздоровления.

ВЫВОДЫ

В XXI в. человечество вступило в эпоху возрастания всевозможных неопределенностей, связанных со случайностью и многовариантностью будущего. В связи с коронавирусной инфекцией еще более насущной стала разработка стратегий выживания как нового императива географической науки. Пандемия обостряет межстрановые и межцивилизационные различия и усугубляет значение географического фактора в жизни общества.

С внедрением ограничительных мер коммуникационного и социального взаимодействия открылись новые локальные возможности и решения. Реакция общества на пандемию демонстрирует значение здоровья и способствует массовой дачной деурбанизации. С беспрецедентными

возможностями работы “на удаленке” люди получили больше свободного времени, темп его стал более естественным. Значит, завтра в еще большей степени может возрасти роль туризма уже в виде дачной рекреации, уединенных ландшафто-трапезнических прогулок, краеведения. Большие перспективы открылись перед сельским туризмом, носящим массовый, стихийный характер и не отображаемый достоверно статистикой.

Если в сельский туризм включить посещение дач, то этот вид туризма окажется самым массовым. Дачная дезурбанизация и сельский туризм стали рекреационной реакцией населения на пандемию. Они соединили две самые контрастные сферы: сельское хозяйство как старейшую и наиболее базисную основу глобальной экономики с туризмом и рекреацией — одними из новейших и быстро растущих экономических секторов.

Геополитические последствия пандемии заключаются, в том числе, в возможности восстановления заброшенных сел и деревень. С пандемией вновь появилась возможность увязать будущее России с сельской цивилизацией.

Важнейшим средством понимания связи между здоровьем и местом становится ландшафто-терапия. Целительной ее силой можно пользоваться чуть ли не все время и почти повсеместно, и на месте стационарного пребывания, и в среде путешествия. Исцеление не синоним лечения. Целью ландшафто-терапии, как и туризма в целом, можно считать повышение качества жизни, даже если идет оно наперекор болезням и недугам.

В условиях пандемии самое время осознать исцеляющее значение красивых ландшафтов. Важным в профилактике становится не столько правильно дышать, сколько, где надо дышать. Возможно, каждому нужна своя ландшафто-терапия. Доверяя своим ощущениям, опыту и интуиции, каждый может установить для себя целительную силу тех или иных ландшафтов. Ландшафто-терапия возвращает в ландшафтоведение человека с его опытом и эмоциональной наполненностью. Пандемия служит переориентированию географии и экологии от решения задач преобразования природы и ее охраны к преобразованию человека и его спасению.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено в рамках госзадания “Функционирование и трансформация территориальных туристско-рекреационных систем” (госбюджет, раздел 0110).

FUNDING

The research was carried out within the framework of the state-ordered research theme “Functioning and trans-

formation of territorial tourist and recreational systems” (state budget, section 0110).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверкиева К.В.* Сельская местность Нечерноземья: депопуляция и возможные пути адаптации к новым условиям // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география / ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Изд. дом “Кодекс”, 2013. С. 108–125.
- Арманд Д.Л.* Нам и внукам. М.: Мысль, 1966. 254 с.
- Баденков Ю.П.* Жизнь в горах. Природное и культурное разнообразие — разнообразие моделей развития. М.: ГЕОС, 2017. 479 с.
- Браде И., Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И.* Особенности субурбанизации в Московской агломерации // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 2. С. 19–29.
- Бэкон Ф.* Опыты / Ф. Бэкон. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль (Философское наследие), 1978. 575 с.
- Воейков А.И.* Исследование климатов для целей климатического лечения и гигиены. СПб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1893. 13 с.
- Гуля А.Н., Ефимов А.Б.* Региональное разнообразие и различия в освоенности территории России как факторы ее современного развития (религиозно-философский аспект) // Культурное наследие России. 2018. № 2. С. 15–23.
- Заварика Г.М., Федоренко К.С.* Велнесс-туризм как возможность развития территории в условиях постконфликта и пандемии // Туризм и гостеприимство. 2020. № 2. С. 28–35.
- Зорин И.В., Лаковский С.Г.* Профессиональная направленность рекреационной сущности экогуманизма // V Международный форум “Туризм: наука и образование”: Сб. материалов международных научных конф. (2017 г., Москва—г.о. Химки) / под науч. ред. В.Ю. Питюкова. Российская международная академия туризма. М.: Университетская книга, 2018. С. 73–80.
- Зырянов А.И., Балабан М.Ю., Зырянов Г.А.* География коронавируса и вопросы туризма // География и туризм. 2020. № 2. С. 5–17.
- Каганский В.Л.* Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1. С. 62–70.
- Кант И.* Критика способности суждения. Серия История эстетики в памятниках и документах. М.: Искусство, 1994. 367 с.
- Клюев Н.Н., Сдасюк Г.В., Тишков А.А.* Мировые кризисы — необходимость реализации программ перехода к устойчивому развитию // Рациональное природопользование: международные программы, российский и зарубежный опыт. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 10–38.
- Кочуров Б.И., Ивашкина И.В.* Города после пандемии COVID-19 // Мировая экологическая повестка и Россия: Материалы Всероссийской научной конф. с международным участием (16–18 ноября 2020 г., Москва). М.: Моск. ун-т имени М.В. Ломоносова. 2020. С. 223–226.

- Лавров С.Б.* Геополитика и регионалистика: взгляд ученых // Геополитические и геоэкономические проблемы России: Материалы научной конф. РГО (Октябрь 1994). СПб., 1995. С. 3–10.
- Лихачёв Д.С.* Охраняемый пейзаж / Д.С. Лихачёв. Книга беспокойств. М.: Новости, 1991. 528 с.
- Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. Т. IV. 672 с.
- Матвейчев О.А.* Что делать России? Прорывные стратегии третьего тысячелетия. М.: Эксмо, 2012. 352 с.
- Махрова А.Г.* Особенности стадийного развития Московской агломерации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2014. № 5. С. 10–16.
- Нефедова Т.Г., Медведев А.А.* Сжатие освоенного пространства в Центральной России: динамика населения и использование земель в сельской местности // Изв. РАН. Сер. геогр. 2020. Т. 84. № 5. С. 645–659.
- Охотина Н.М.* Развитие сельского туризма в Республике Марий Эл // Сервис Plus. 2018. Т. 12. № 3. С. 26–33.
- Паустовский К.Г.* Письма из Тарусы // К.Г. Паустовский. Собр. соч. М.: Художественная литература, 1970. Т. 8. Литературные портреты, Очерки. Заметки. 447с.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Район и страна. М.–Л., 1928. 311 с.
- Сен-Марк Ф.* Социализация природы. М.: Прогресс, 1977. 440 с.
- Смирнова А.А., Ткаченко А.А.* Сельские населенные пункты России: можно ли их сосчитать? // Староосвоенные районы: генезис, исторические судьбы, современные тренды развития / отв. ред. В.Н. Стрелецкий. М.: ИП Матушкина И.И., 2019. С. 49–61.
- Трейвиш А.И.* “Дачеведение” как наука о втором доме на Западе и в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 22–32.
- Чижевский А.Л.* Атмосферное электричество и жизнь // Земля во Вселенной. М.: Мысль, 1964. С. 422–442.
- Чижевский А.Л.* Аэроионификация в народном хозяйстве. 2-е изд., сокр. М.: Стройиздат, 1989. 488 с.
- Breitnauer J.* The Spanish flu epidemic and its influence on history: Stories from the 1918–1920 global flu pandemic. Yorkshire–Philadelphia: Pen&Sword History, 2019. XIV. 138 p.
- Gesler W., Wilbert M.* Therapeutic Landscapes: Medical Issues in Light of the New Cultural Geography // Soc. Sci. & Medicine. 1992. Vol. 34. P. 735–746.
- Grafetsstätter C., Gaisberger M., Prosegger J., Ritter M., Kolarz P., Pichler C., Thalhamer J., Hartl A.* Does waterfall aerosol influence mucosal immunity and chronic stress? A randomized controlled clinical trial // J. Physiol. Anthropology. 2017. Vol. 36. № 10. <https://doi.org/10.1186/s40101-016-0117-3> (дата обращения 24.08.2021).
- Grindle B., Patil G.G.* Biophilia: Does Visual Contact with Nature Impact on Health and Well-Being? // Int. J. Environ. Res. and Public Health. 2009. Sep. № 6 (9). P. 2332–2343.
- Ioffe G., Nefedova T.* Land use changes in the environs of Moscow // Area. 2001. Vol. 33. № 3. P. 273–286.
- Milligan C., Wiles J.* Landscapes of Care // Progr. in Human Geogr. 2010. Vol. 34. № 6. P. 736–754.
- Nikolaeva U.G., Rusanov A.V.* Self-isolation at the dacha: Can't? Can? Have to? // Population and Economics. 2020. Vol. 4. № 2. P. 182–198. <https://doi.org/10.3897/popcon.4.e54577> (дата обращения 24.08.2021).
- Williams S.* Tourism geography: a new synthesis. 2nd ed. London and N.Y., 2009. 310 p.
- Zielinski S., Botero C.M.* Beach Tourism in Times of COVID-19 Pandemic: Critical Issues, Knowledge Gaps and Research Opportunities // Int. J. Environ. Res. and Public Health. 2020. Oct. Vol. 17 (19). № 7288. <https://doi.org/10.3390/ijerph17197288>
- Zotic V., Alexandru D., Dezi S.* Debate on tourism in Post-modernism and beyond // The Business of Tourism. 2014, 13, June. P. 79–93.

Tourism-Geographical Consequences of the Pandemic

Yu. N. Golubchikov*

Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

*e-mail: golubchikov@list.ru

The results of the fight against coronavirus are taken as indicators of the viability of states. According to the data on the number of patients and deaths per 1 million persons, there are inter-ethnic differences in success in the fight against coronavirus. It has been demonstrated that the pandemic exacerbates intercountry and intercultural differences and accentuates the human and social importance of geography. The impact of the pandemic on tourism is being studied. By giving primacy to national and social interests over global and economic pandemics, intangible goods have been given priority. The importance of the accelerated development of the digital economy in boosting rural tourism and dacha de-urbanization as a recreational response of the population to the pandemic was discussed. They have been suggested to be important in creating pre-conditions for the rehabilitation of abandoned villages. The coronavirus pandemic reinforces the importance of secluded landscapes' walks, local history, and rural tourism. The preventive value of landscape therapy was set. Landscape healing powers can be used almost all the time and almost everywhere, both in a fixed location and in a travel environment. The laws of nature are the laws of beauty. It is assumed that all places perceived as beautiful can heal. The article introduces the idea of the beauty of the landscape as an important natural and health resource. It is assumed that by trusting one's feelings, experience, and intuition, one can discover

for oneself the healing power of a particular landscape. Landscape therapy integrates geography, medicine, and human science. The pandemic serves to reorient geography and ecology from the transformation and protection of nature to the transformation and rescue of man.

Keywords: COVID-19 pandemic, dacha suburbanization, rural tourism, recreation, landscape therapy, beauty, country studies, local geography, rural revival

REFERENCES

- Armand D.L. *Nam i vnukam* [Us and Our Grandchildren]. Moscow: Mysl' Publ., 1966. 254 p.
- Averkieva K.V. Rural areas of the Non-Chernozem Zone: depopulation and possible ways of adaptation to new conditions. In *Voprosy geografii* [Problems of Geography]. Vol. 135: *Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Population and Social Geography]. Alekseev A.I., Tkachenko A.A., Eds. Moscow: Kodeks Publ., 2013, pp. 108–125. (In Russ.).
- Badenkov Yu.P. *Zhizn' v gorakh. Prirodnoe i kul'turnoe raznoobrazie – raznoobrazie modelei razvitiya* [Life in the Mountains. Natural and Cultural Diversity – a Variety of Development Models]. Moscow: GEOS Publ., 2017. 479 p.
- Bacon F. Experiments. In *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in Two Volumes]. Moscow: Mysl' Publ., 1978, vol. 2. 575 p. (In Russ.).
- Brade I., Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. Features of suburbanization in the Moscow agglomeration. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2013, no. 2, pp. 19–29. (In Russ.).
- Breitnauer J. *The Spanish flu epidemic and its influence on history: Stories from the 1918–1920 global flu pandemic*. Yorkshire – Philadelphia: Pen&Sword History, 2019. XIV. 138 p.
- Chizhevskii A.L. Atmospheric electricity and life. In *Zemlya vo Vselennoi* [Earth in the Universe]. Moscow: Mysl' Publ., 1964, pp. 422–442. (In Russ.).
- Chizhevskii A.L. *Aeroionifikatsiya v narodnom khozyaistve* [Aeroionization in the National Economy]. Moscow: Stroizdat Publ., 1989, 2d ed. 488 p.
- Gesler W., Wilbert M., Therapeutic landscapes: medical issues in light of the new cultural geography. *Soc. Sci. Med.*, 1992, vol. 34, pp. 735–746.
- Grafetstätter C., Gaisberger M., Prosegger J., Ritter M., Kolarz P., Pichler C., Thalhamer J., Hartl A. Does waterfall aerosol influence mucosal immunity and chronic stress? A randomized controlled clinical trial? *J. Physiol. Anthropol.*, 2017, vol. 36, no. 10, pp. 1–12. <https://doi.org/10.1186/s40101-016-0117-3>
- Grindle B., Patil G.G. Biophilia: does visual contact with nature impact on health and well-being? *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 2009, vol. 6, no. 9, pp. 2332–2343.
- Gunya A.N., Efimov A.B. Regional diversity and differences in the development of the territory of Russia as factors of its modern development (religious and philosophical aspect). *Kul'turnoe Nasledie Rossii*, 2018, no. 2, pp. 15–23. (In Russ.).
- Ioffe G., Nefedova T. Land use changes in the environs of Moscow. *Area*, 2001, vol. 33, no. 3, pp. 273–286.
- Kaganskii V.L. Cultural landscape: basic concepts in Russian geography. *Observatoriya Kul'tury: Zh.-Obozrenie*, 2009, no. 1, pp. 62–70. (In Russ.).
- Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Criticism of the Ability of Judgment]. Moscow: Iskustvo Publ., 1994. 367 p.
- Klyuev N.N., Sdasyuk G.V., Tishkov A.A. Global crises – the need to implement transition programmes to sustainable development. In *Ratsional'noe prirodopol'zovanie: mezhdunarodnye programmy, rossiiskii i zarubezhnyi opyt* [Rational Natural Resource Use: International Programs, Russian And Foreign Experience]. Moscow: KMK Publ., 2010, pp. 10–38. (In Russ.).
- Kochurov B.I., Ivashkina I.V. Cities after COVID-19. In *Mirovaya ekologicheskaya povestka i Rossiya: Mat. Vseross. nauchn. konf. s mezhdunar. uch.* [World Ecological Agenda and Russia: Proc. All-Russ. Conf. with Int. Participants]. Moscow: Mosk. Gos. Univ., 2020, pp. 223–226. (In Russ.).
- Lavrov S.B. Geopolitics and regionalism: the scientific perspective. In *Geopoliticheskie i geoeconomicheskie problemy Rossii* [Geopolitical and Geoeconomical Problems of Russia]. SPb, 1995, pp. 3–10. (In Russ.).
- Likhachev D.S. Protected landscape. In *Kniga bespokoistv*. Moscow: Novosti Publ., 1991. 528 p. (In Russ.).
- Losev A.F. *Istoriya antichnoi estetiki* [History of Ancient Aesthetics]. Vol 4: *Aristotel' i pozdnyaya klassika* [Aristotle and Later Classics]. Moscow: Iskustvo Publ., 1975. 672 p.
- Makhrova A.G. Specific features of stadial development of the Moscow agglomeration. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2014, no. 5, pp. 10–16. (In Russ.).
- Matveichev O.A. *Chto delat' Rossii? Proryvnye strategii tret'ego tysyacheletiya* [What Should Russia Do? Breakthrough Strategies of the Third Millennium]. Moscow: Eksmo Publ., 2012. 352 p.
- Milligan C., Wiles J. Landscapes of care. *Progress Hum. Geogr.*, 2010, vol. 34, no. 6, pp. 736–754.
- Nefedova T.G., Medvedev A.A. Compression of developed space in Central Russia: population dynamics and use of land in rural areas. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2020, vol. 84, no. 5, pp. 645–659. (In Russ.).
- Nikolaeva U.G., Rusanov A.V. Self-isolation at the dacha: Can't? Can? Have to? *Population and Economics*, 2020, vol. 4, no. 2, pp. 182–198. <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e54577>
- Okhotina N.M. Development of rural tourism in the Republic of Mari El. *Servis Plus*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 26–33. (In Russ.).
- Paustovskii K.G. Letters from Tarusa. In *Sobranie Sochinenii* [Selected Works]. Vol. 8: *Literaturnye portrety, Ocherki. Zametki* [Literary Portraits. Essays. Notes]. Moscow: Khudozh. Literatura Publ., 1970. 447 p.

- Semenov-Tyan-Shansky V.P. *Raion i strana* [Region and Country]. Moscow–Leningrad, 1928. 311 p.
- Sen-Mark F. *Sotsializatsiya prirody* [Socialization of Nature]. Moscow: Progress Publ., 1977. 440 p.
- Smirnova A.A., Tkachenko A.A. Rural settlements in Russia: can they be counted? In *Staroosvoennye raiony: genezis, istoricheskie sud'by, sovremennye trendy razvitiya* [Old-Developed Areas: Genesis, Historical Destinies, Modern Development Trends]. Streletskii V.N., Eds. Moscow: Matushkina I.I. Publ., 2019, pp. 49–61. (In Russ.).
- Treivish A.I. “Dacha Studies” as the Science on Second Homes in the West and in Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2014, vol.4, no. 3, pp. 179–188.
- Voeikov A.I. *Issledovanie klimatov dlya tselei klimaticheskogo lecheniya i gigieny* [Climate Research for the Purposes of Climate Treatment and Hygiene]. St. Petersburg: Imp. Akad. Nauk, 1893. 13 p.
- Williams S. *Tourism Geography: A New Synthesis*. London and New York, 2009, 2d ed. 310 p.
- Zavarika G.M., Fedorenko K.S. Wellness tourism as an opportunity for the development of the territory in the conditions of post-conflict and pandemic. *Turizm i Gosstepriimstvo*, 2020, no. 2, pp. 28–35. (In Russ.).
- Zielinski S., Botero C.M. Beach tourism in times of COVID-19 pandemic: Critical issues, knowledge gaps and research opportunities. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 2020, vol. 17 (19), no. 7288. <https://doi.org/10.3390/ijerph17197288>.
- Zorin I.V., Lakovskii S.G. Professional orientation of the recreational essence of ecohumanism. In *V Mezhdunarodnyi forum “Turizm: nauka i obrazovani”* [V International Forum “Tourism: Science and Education”]. Pityukova V.Yu., Ed. Moscow: Univ. Kniga Publ., 2018, pp. 73–80. (In Russ.).
- Zotic V., Alexandru D., Dezsi Ş., Debate on tourism in Postmodernism and beyond. *The Business of Tourism*, 2014, no. 13, pp. 79–93.
- Zyryanov A.I., Balaban M.Yu., Zyryanov G.A. The geography of the coronavirus and tourism issues. *Geografiya i Turizm*, 2020, no. 2, pp. 5–17. (In Russ.).